

аграрном секторе с 1983 г. начала стабилизироваться.

Прирост поголовья КРС в Томской области в одиннадцатой пятилетке составил 4% (в том числе поголовья коров на 1,3%), поголовье свиней, овец и коз выросло на 10%, птицы — на 29% (табл. 1). Увеличилось производство основных видов продуктов животноводства. Производство мяса в области в первой половине 1980-х гг. выросло на 30,9%, яиц — на 23,6% (табл. 2). Производство молока увеличилось на 9,1%. Также произошло увеличение объемов государственных закупок мяса (+29%) и яиц (+19,2%). В закупках молока рост был менее значительным (+14,3%) (табл. 3).

Таким образом, в рассматриваемый период в Томской области увеличилось поголовье сельскохозяйственных животных и выросла их продуктивность. Крупного рогатого скота в регионе стало больше на 13,5% (в том числе коров — на 5%), свиноголовье увеличилось на 78,8%. Численность овец и коз снизилась на 42%, мелкий рогатый скот стал преимущественно содержаться на личных подворьях. Увеличилась численность птицы почти в 13 раз (преимущественно в государственном секторе). Рост продуктивного поголовья создал базу для расширения производства животноводческой продукции.

Несмотря на разнонаправленную динамику развития животноводческих отраслей по пятилетиям, в рассматриваемый период было достигнуто значительное увеличение объемов

производства животноводческой продукции. Производство мяса выросло на 55,2%. Увеличение производства яиц в 3,2 раза было обеспечено совхозами треста «Томскптицепром». Рост производства молока составил всего 11%. При этом имел место абсолютный прирост объемов госзакупок всех видов продукции животноводства: мяса (+64%), молока (+43%) и яиц (в 9 раз).

Библиографический список

1. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири (1960—1980-е гг.). Новосибирск, 1991.
2. Орлов Д. С. Аграрный сектор Кемеровской области во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х гг. Бийск : ФГБОУ ВПО «АГАО», 2013. 145 с.
3. Орлов Д. С. Кампания по ограничению внутреннего потребления продуктов питания в колхозах и совхозах Западной Сибири во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2.
4. Орлов Д. С. Легитимизация отхода от твердых планов государственных закупок сельскохозяйственной продукции на рубеже 1960—1970 годов (на материалах Западной Сибири) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016 / Байкальский гос. ун-т ; Регион. центр науч. исследований эконом. истории России. Иркутск, 2016. С. 252—261.
5. Орлов Д. С. Планирование производства и закупок сельскохозяйственной продукции в колхозах и совхозах Западной Сибири во второй половине 60-х — первой половине 80-х годов XX века // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 98—102.
6. Орлов Д. С. Сельское хозяйство Томской области во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг.: от мартовского пленума ЦК КПСС 1965 г. к Продовольственной программе 1982 г. Бийск, 2014. 279 с.

УДК 94(470.5)

И. В. Побережников, доктор исторических наук

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург

E-mail: pober1871@mail.ru

Региональные варианты фронтирной модернизации в Российской империи в сравнительном изучении (Урал, Западная Сибирь)

В статье обоснована эвристическая ценность фронтирного подхода в изучении российской имперской модернизации. Показана специфика российской модернизации, которая осуществлялась в условиях незавершенного освоения территорий. Выявлены региональные особенности модернизации на примере Урала и Западной Сибири.

Ключевые слова: Россия, империя, модернизация, фронт, регион, Урал, Западная Сибирь, освоение.

Концепт *фронт* переживает новое рождение (возрождение) в современных исследованиях, раскрывающих проявления фронтирности в разные исторические эпохи

(античность, средние века, новое и новейшее время), в настоящем времени (институциональные и социокультурные особенности регионов центров и фронтиров в компаративном

контексте, в том числе с включением периферийных регионов современной России, США, Канады, Латинской Америки, Австралии, Южной Африки и т.д.), в разных пространственных границах (североамериканский, латиноамериканский, африканский, российский, центральноазиатский, и т.д.), в различных дисциплинарных форматах (социология, культурология, история, литературоведение и т.д.). Предложенная автором для анализа развития в восточных регионах России имперского периода в условиях незавершенного освоения категория *фронтирная модернизация* раздвигает исторические и содержательные границы применения фронтирного подхода.

Исторически на протяжении XVIII — начала XX в. российская модернизация осуществлялась как раз в условиях продолжавшегося расширения территории страны, присоединения новых земель и их освоения. Данная особенность странового развития не была уникальной, характерной только для России, она проявлялась также, например, в истории таких стран, как США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Латинская Америка. По нашему мнению, модернизацию в условиях незавершенного освоения можно определить как фронтирную. Как известно, концепция фронта, сформулированная в начале 1890-х гг. американским исследователем Фр. Дж. Тернером для объяснения истории США XIX в., стала удобным познавательным инструментом для изучения стран, в прошлом которых существенную роль играла колонизация, континентальная экспансия, имелись «свободные земли», были свои «запады» и «востоки»; длительное время сохранялись и играли немаловажную роль фронтирные территории [11].

Фронтирность создает предпосылки для еще более неравномерного протекания процессов модернизации. Показательно, что в современной России сохраняются значительные дистанции между состояниями модернизованности макрорегионов — федеральных округов Российской Федерации. По мнению Н. И. Лапина, дистанции, имеющие глубокие социокультурные, цивилизационные основания, приобрели характер иерархии, которая устойчиво сохраняется, и таят в себе серьезные социально-политические риски [3, с. 61—71].

Для России как страны фронтирной модернизации были характерны особые черты.

Одной из них являлся освоенческий синдром, который выражался в подвижности населения, растянутости колонизационных процессов (заселение, аграрное, промышленное освоение), экстенсивном характере аграрной экономики, социально-сословной и этноконфессиональной мозаике и т.п., различной степени заселенности и освоенности территорий, региональных контрастах и диспропорциях. Пространство страны делилось на центр (ядро) и периферию, которые различались по демографическим, социальным, экономическим, административным, культурным признакам (при этом граница между ядром и периферией была подвижной; со временем периферийные регионы — по мере освоения — теряли периферийные (фронтирные) черты и интегрировались в состав ядра [7]). Имевшиеся в наличии доступные пограничные зоны, богатые ресурсами, могли служить клапаном для разрядки социальных проблем более плотно заселенных регионов. Продолжительное время сохранялись потребность в дополнительной рабочей силе для разработки избыточных ресурсов фронтирных зон, миграционная активность и, соответственно, проблема адаптации, возникавшая вследствие притока мигрантов-колонистов на периферийные территории. В условиях недостаточной интегрированности в страновое пространство периферийных территорий повышенную роль играла транспортная инфраструктура. Милитаризация регионов освоения (размещение фортификационных сооружений, регулярных воинских частей, поселенных иррегулярных формирований, установление особых военизированных форм администрации и т.д.) обеспечивала условия для стабильного развития в ситуации «пограничья» и наличия порой враждебного «соседства». Фронтирная модернизация сопровождалась разновекторной диффузией традиционного и современного типов, естественной в условиях освоения, притока мигрантов, межэтнических взаимодействий, а также модернизационного трансфера технологий, социальных институтов, культурных ценностей западного, преимущественно западно-европейского, происхождения.

Пространственный фактор оказывал существенное воздействие на внутренний строй страны, ее территориальную морфологию, что оправдывает регион-ориентированный подход к изучению модернизации, фокусированный

на выявление субстранных, региональных вариантов. Попытаемся в данной работе рассмотреть два региона России, в разной степени подвергшихся воздействию модернизации (Урал, Западную Сибирь).

Урал. Включение Урала в состав Российского государства совпадает с эпохой становления последнего на базе Московского великого княжества на протяжении XV—XVII вв. В истории Урала это период первичной колонизации, военно-промышленной в XV — начале XVII в. и аграрной на протяжении XVII столетия [8, с. 37—69]. Технологический способ производства той эпохи — аграрный; социально-институциональная организация и менталитет имели традиционный характер. В тот период Урал по отношению к центру страны являлся периферией, зоной первичного освоения, что подчеркивалось существованием специального центрального органа регионального управления — Сибирского приказа.

Эпоха фронтирной модернизации в истории Урала (XVIII—XIX вв.) в технологическом плане в основном совпала с протоиндустриализацией (становление и развитие мануфактурной промышленности). Предпосылками протоиндустриализации выступали обеспеченность региона полезными ископаемыми (руды черных и цветных металлов) и другими ресурсами (реки, лес), необходимыми для развития горнометаллургического производства, а также определенный уровень освоенности региона, по крайней мере в его средней части (сеть постоянных сельских и городских населенных пунктов). На данном этапе в регионе усилиями русской администрации с опорой на местные демографические и природные ресурсы был создан комплекс металлургических заводов, началось экономическое освоение лесостепных территорий.

Уже в первой четверти XVIII в. горнозаводский сегмент уральской промышленности стал ведущим и стратегически значимым для всей Российской империи. В связи с этим модернизационные процессы в металлургии и смежных отраслях приобрели первенствующее значение в экономической модернизации Урала. С начала XVIII в. хозяйственная специфика региона и его историческая судьба определялись промышленностью.

При этом протоиндустриализация Урала приобрела характер промышленной колони-

зации: строительство первых заводов происходило в условиях продолжавшейся военной, крестьянской, конфессиональной колонизации; не все проблемы политического контроля государства над территорией региона были решены; острый характер имели поземельные споры; инициатором строительства заводов выступили не местные предприниматели, а власть через посредство Сибирского приказа; построенные в начале XVIII в. заводы возводились на средства государственной казны; оборудование и квалифицированные кадры для промышленности Урала завозились с тульских, каширских, подмосковных и олонечских заводов; строительство заводов осуществлялось под контролем государственных чиновников, назначаемых центральной властью; колонизационный характер промышленного развития был обусловлен отсутствием таких его экономических предпосылок, как развитой рынок поземельной собственности, труда, капитала, сырья [5, с. 146—147; 9, с. 193—194]. В результате освоения уральской территории к концу XVIII века в России был сформирован один из первых ярко выраженных промышленных регионов.

Урал в XVIII в. сохранял множество фронтирных черт (в частности, межэтнические конфликты, башкирские восстания, движение 1773—1775 гг., в значительной степени явившееся реакцией населения на «наступление» государства на окраины, на регуляризацию казачества, на заводское строительство на башкирских землях; юг региона только начал заселяться и осваиваться русскими), но постепенно черты особенности, фронтирного «экстрима» стирались. Хотя опасность набегов киргиз-кайсаков на южном пограничье сохранялась до середины XIX в., во второй половине XIX столетия Оренбургский край утратил статус пограничного, в связи с чем в 1881 г. был упразднен пост оренбургского генерал-губернатора. Социально-институциональная структура и менталитет региона еще в значительной степени носили традиционный характер, хотя постепенно (фрагментарно) подвергались модернизации. Происходила рационализация бюрократической организации, нарастали современные черты в сознании заводского и городского населения. Создание в конце XIX в. общеуральской железнодорожной сети содействовало развитию рынка промышленного сырья и топ-

лива, оптимизации внутрирегиональных экономических связей [2, с. 205—214]. Но некоторые проявления региональной специфики, в частности связанные с незавершенностью освоения, сохранялись до рубежа XIX—XX вв. (например, военные черты в системе местного управления, мощные традиционные анклавы в сельской местности, высокий удельный вес военизированного казачьего сословия в составе населения Оренбургской губернии и др.).

Западная Сибирь. История Западной Сибири в XV — начале XX в. являлась неотъемлемой составляющей грандиозного процесса русского заселения и освоения Сибири в целом. Север Западной Сибири был первым зауральским регионом, с которым познакомились славяне. Именно здесь были проложены первые пути в Сибирь. Северо-Западная Сибирь длительное время служила каналом проникновения русских в глубь сибирских просторов, на Енисей, Лену, Ангару [6]. В конце XV — XVII веке произошло присоединение Западной Сибири и народов, ее населявших, к Российскому государству. Основными фигурами русского освоения наряду с администрацией и военнослуживым элементом выступали торговцы и промысловики. Параллельно с политическим присоединением, а то и обгоняя его, получили развитие процессы хозяйственного и социокультурного освоения. В XVII веке в регионе складывается мощный хлебопроизводящий район, обеспечивавший зерном другие части Сибири. Именно с аграрного освоения на территории Сибири начинали складываться устойчивые системы расселения, наметившие территориальную структуру ее будущих регионов.

К началу XVIII столетия восходит постепенная рационализация административно-территориального устройства, созданного по европейским образцам, при длительной консервации локальных различий, в значительной степени обусловленных сохранением традиционных структур низового управления. К середине столетия была создана система обороны русских уездов Западной Сибири, отделившая северную освоенную русскими часть региона от юга, населенного кочевниками, что обеспечивало условия для хозяйственного освоения лесостепных территорий на юге, смещения к югу транспортных путей и хозяйственных центров региона, росту в XIX в. политического и экономического значения Омска, который

получил импульс для своего развития, став центром Западно-Сибирского генерал-губернаторства.

Один из ключевых субпроцессов модернизации — это индустриализация (и ее ранняя фаза — протоиндустриализация). Как раз в первой половине XVIII в. интенсивное развитие на юге Западной Сибири, на Алтае, получила промышленная колонизация, которая результативность создавала предприятий мануфактурного типа (протоиндустрия). Первые алтайские заводы были основаны Демидовыми в 1726 г. по привилегии, выданной Берг-коллегией; впоследствии, в 1747 г., эти предприятия со всем имуществом и людьми были взяты в собственность короны, составив протоиндустриальную основу хозяйства Кабинета в Западной Сибири.

С 1830-х гг., по мнению специалистов, капиталистический уклад стал определять тенденцию промышленного развития Сибири, заняв доминирующие позиции в золотопромышленности, речном транспорте, рыбопромышленности, извозе [10, с. 250].

В последние десятилетия XIX — первые XX в. регион переживал поляризацию экономического пространства, ускоренную постройкой Транссибирской магистрали и быстрым притоком крестьян-переселенцев из европейской части России, формированием вдоль Транссиба срединной полосы аграрно-капиталистического развития. Новые транспортные магистрали стимулировали развитие промышленности благодаря облегчению импорта технологий и расширению рынков сбыта сельскохозяйственной продукции.

Специалисты отмечают при этом модифицированный характер промышленной трансформации в Сибири — если в центре России она последовательно охватывала легкую, а затем тяжелую промышленность, транспорт, связь, сельское хозяйство, то в сибирском варианте промышленный переворот начинался с транспорта (водного, затем железнодорожного), что и создавало условия для дальнейшего промышленного роста в других отраслях [10, с. 252].

Более архаичной была отраслевая структура сибирской промышленности, характерная для отсталых в промышленном отношении областей. Обработывающие производства продолжительное время уступали добывающим

по объему производства и числу занятых рабочих; преобладали заведения по обработке сельскохозяйственной продукции; более сложные производства (спичечное, стекольное, ткацкое, фарфоровое, бумажное, металлообрабатывающее) были представлены единичными заведениями [10, с. 253].

На протяжении многовековой истории хозяйственного освоения Сибири сохранялся сырьевой характер развития экономики региона, причем усилившаяся на рубеже XIX—XX веков интеграция региона только упрочивала его сырьевую специализацию: в XVII в. главной статьей вывоза из Сибири была пушнина, в XVIII—XIX вв. — драгоценные металлы, а в конце XIX — начале XX в. — продукция сельского хозяйства, составлявшая в 1913 г. две трети стоимости продукции края [10, с. 258].

При этом необходимо иметь в виду, что в целом Западная Сибирь оставалась крайне неравномерно развитым регионом. Северо-Западная Сибирь представляла собой периферию, слабо заселенную и мало освоенную. Тем не менее, даже в этом районе ощущались импульсы модернизации, которая в указанный период разворачивалась в общероссийском масштабе. Проявлениями модернизации стали: интенсификация хозяйственно-экономической интеграции края в рыночную макроструктуру страны, складывание в районе многоукладного комплекса хозяйственных связей пришлого и коренного населения; деформация традиционного хозяйства аборигенов под влиянием пришлого населения и его торгово-промышленного капитала; рост интереса к окраинам как к источникам различных ресурсов для растущей экономики страны и заметная активизация географических исследований на Обском Севере, носивших практический характер; активизация миссионерско-просветительской деятельности на севере Западной Сибири [1; 4].

Сопоставляя рассмотренные региональные варианты развития, можно сделать вывод, что характер и динамика модернизации существенно различались во фронтирных обществах. Вариативность была обусловлена размерами регионов, разницей во времени их присоединения, составом населения, геополитическим положением и уровнем безопасности, ресурсным обеспечением, временем начала модернизации, ролью государства и

рынка как механизмов развития. Огромную роль играли природно-климатические условия территорий, их геополитический статус, время присоединения. Из двух регионов более благоприятные для модернизации условия имелись на Урале: достаточная освоенность территории к XVIII в., богатство естественными ресурсами, возможность заниматься производительным сельским хозяйством, фрагментарные геополитические риски (преимущественно на юге региона, на башкирском и киргиз-кайсацком фронтире). В результате именно Урал в XVIII в. стал одним из страновых лидеров protoиндустриальной модернизации, несмотря на то что процессы освоения еще были далеки до завершения. Западная Сибирь присоединялась к Российскому государству почти одновременно с Уралом, однако менее благоприятные природно-климатические условия, территориальная удаленность от рынков Европы, Азии и Европейской России, меньшая заселенность тормозили освоение региона. Модернизация здесь носила более неравномерный характер, отраслевая структура характеризовалась архаизмом, сохранялась сырьевая специализация и обширные территории (например, Северо-Западная Сибирь), население которых в основной своей массе все еще находилось во власти традиции.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00427 «Фронтирная модернизация в России имперского периода: модели развития и закономерности трансформации».

Библиографический список

1. Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI — XVII в. Екатеринбург : Демидовский ин-т, 2018. 504 с.
2. Гаврилов Д. В. Горнозаводский Урал XVII—XX вв. : избр. тр. Екатеринбург : УрО РАН, 2005. 616 с.
3. Лапин Н. И. Дистанции между состояниями модернизированности макрорегионов России и их цивилизационные смыслы // ОНС. 2015. № 5. С. 61—71.
4. Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск : Наука, 1975. 308 с.
5. Опыт российских модернизаций. XVIII—XX века. М. : Наука, 2000. 246 с.
6. Побережников И. В. Пространственные модели русского освоения Северо-Западной Сибири (XII — начало XX в.) // Новгородская Земля — Урал — Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии : в 2 ч. Екатеринбург : БКИ, 2009. Ч. 2. С. 299—317.

7. Побережников И. В. Урал в истории Российского государства: постановка проблемы // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 118—126.

8. Рассказов С. В. Юго-Западная Сибирь: эволюция пространственных структур общества (с XV в. до настоящего времени) : дис. ... канд. геогр. наук. М., 2009. 142 с.

9. Россия в XVII — начале XX в.: региональные аспекты модернизации. Екатеринбург : УрО РАН, 2006. 344 с.

10. Сибирь в составе Российской империи. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 370 с.

11. Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М. : Весь мир, 2009. 304 с.

УДК 94(470)“19”

А. Н. Поляков, кандидат исторических наук, доцент
Оренбургский государственный университет
E-mail: polyakov150@mail.ru

Модернизация России в начале XX века: проблема альтернативного развития

Рассматривается вопрос альтернативного развития России в начале XX века. Автор останавливается на политических, социально-экономических и духовных (идеологических) предпосылках революции, обосновывая мысль о неизбежности социальных потрясений в России в начале XX века.

Ключевые слова: модернизация, альтернатива, капитализм, политические партии, кризис традиционного мировоззрения, революция, реформы, насилие.

Понятия «модернизация» и «альтернатива» в истории стали распространяться в отечественной историографии с 90-х годов XX века и до сих пор остаются «модными». Примером может служить настоящая конференция, которая ставит перед собой задачу обсуждения именно этой темы (в рамках региона). Между тем и то, и другое носят нечеткий, даже размытый характер. Часто историки вкладывают в них свой, порой только им известный смысл. Модернизацию нередко понимают в самом широком смысле как «осовременивание» общественной и политической жизни — глубокие преобразования, вызванные промышленной, демократической и образовательной революциями [12, с. 39]. Применительно к XXI веку говорят даже о ситуации постмодерна, т.е. постсовременного общества. Среди смыслов, вкладываемых в это понятие: «изменения в соответствии с новейшими, современными требованиями и нормами», «достижение прогрессивных сдвигов путем внедрения различных усовершенствований», «процесс обновления и усовершенствования общественных элементов и всего устройства общества в соответствии с новыми требованиями времени» [15, с. 6, 7].

На практике за словом «модернизация» в исторических исследованиях нередко стоит оценочный маркер или, как выразился на конференции в Саранске А. С. Синявский, «опре-

деленные идеологические отягощения»: хороша только та модернизация, которая основана на демократизации и политических (и прочих) свободах. Иначе говоря, под «модернизацией» подразумевается исключительно капиталистический путь развития западного образца [2, с. 81]. Применение такого подхода вряд ли способствует объективному освещению развития общества.

Обращение к теме «альтернатив» в истории часто скрывает за собой самую настоящую «провокацию» (некоторые авторы в этом прямо признаются) и опирается на убеждение, что в истории отсутствуют законы развития [4, с. 3]. Если это признать, заниматься изучением исторического процесса нет смысла. Вместо этого следует возвращаться к «истокам исторической науки», когда считалось, что главная задача историка — воспитание, показание примера. Иначе говоря, историческая наука в этом случае независимо от желания авторов «альтернатив» постепенно, но неуклонно теряет свое научное звучание. Все-таки за формулировкой предмета исторической науки — «процесс развития конкретного общества» — так или иначе, стоят представления о существовании «законов» истории, или, по крайней мере, закономерностей. А если нет предмета для изучения, то и науки никакой быть не может.